

И 391
391

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

40328-46

9

ОБЩИЙ СМЫСЛЪ ФИЛОСОФІИ

Н. Н. СТРАХОВА.

ПОДАРИТЬ

Статья первая.

I.

Было у насъ на Руси, и не такъ давно, печальное время когда люди съ убѣжденіями боялись ихъ высказывать. „Въ такой переразвращенной средѣ, какова наша образованная,— писалъ въ 1873 году Ю. О. Самаринъ,— ставится въ вину не невѣріе, а убѣжденіе, какое бы то ни было.“* Теперь, къ счастью, это время прошло и, повидимому, безвозвратно: мы научились цѣнить убѣжденія, каковы бы они ни были.

24 января прошлаго года тихо и безшумно закатилась жизнь выдающагося русскаго человѣка, писателя и философа, Н. Н. Страхова, и вся печать сошлась въ признаніи права покойнаго на уваженіе именно за искренность и стойкость его убѣжденій, за то что онъ,—какъ засвидѣтельствовало, за два года до его смерти, Психологическое Общество, избравшее Н. Н. Страхова въ свои почетные члены,—„никогда не боялся идти противъ господствующихъ въ наукѣ и литературѣ теченій, возставать противъ увлеченій минуты и выступать на защиту тѣхъ крупныхъ

философскихъ и литературныхъ явленій которыя въ данную минуту подвергались гоненію и осмѣянію“. Лишь нѣкоторые органы печати подняли неумѣстный споръ о томъ, куда „сопричислить“ покойнаго писателя,—къ либераламъ или консерваторамъ,—забывъ что бываютъ минуты когда простой тактъ обяываетъ отлагать въ сторону всякія злобы дня.

Н. Н. Страхову уже было посвящено нѣсколько сочувственныхъ статей, характеризующихъ его и какъ человѣка, и какъ мыслителя.* Всѣ согласно чтуть въ немъ весьма симпатичнаго, истинно-русскаго человѣ-

* Изъ статей извѣстныхъ намъ заслуживаютъ вниманія особенно слѣдующія: 1) проф. Н. Я. Грота: *Памяти Н. Н. Страхова (Вопросы Философiи и Психологiи, кн. 32)*; 2) Б. В. Никольскаго: *Н. Н. Страховъ, критико-биографическій очеркъ*, Слб. 1896 г., стр. 56 (съ портретомъ); 3) В. В. Рознова: *Вѣчная память (Русское Обозрѣніе, 1896 г., октябрь)*; 4) проф. А. д-ра Н. Введенскаго: *Значеніе философской дѣятельности Н. Н. Страхова (Образованіе, мартъ 1896 г.)*; 5) Ю. Н. Говорухи-Отрока: *Н. Н. Страховъ. (Московскія Вѣдомости 1896, №№ 27, 32, 167)*, и сверхъ того отдѣльныя статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*: 1890, № 255, 332; 1892, № 11, 73, 99, 314; 1893, № 123.

* *Сочиненія*, т. VI, стр. 382.

ка и патриота, выдающагося стилиста, образцово-яснаго писателя и недюжинный философскій талантъ. Много и во внѣшней, и во внутренней исторіи этой выдающейся личности уже разъяснено. Но многое остается еще разъяснить. И прежде всего, по нашему мнѣнію, необходимо точнѣе выяснитъ и опредѣлитъ подлинный *смыслъ философіи* Н. Н. Страхова, которая, и по его собственному призванію, все же была *главнымъ дѣломъ* его жизни.

Что такое эта философія? Представляетъ ли она въ цѣломъ нѣчто связанное, систему, или лишь фрагменты? Какого типа и направленія эта философія?

Несомнѣнная важность этихъ вопросовъ для оцѣнки литературно-философской дѣятельности покойнаго писателя очевидна уже изъ того что не только отъ различныхъ людей, но иногда и отъ одного и того же человека приходится слышать на нихъ разнорѣчивые и даже прямо противорѣчивые отвѣты.

На вопросъ: къ какой школѣ принадлежалъ Н. Н. Страховъ?—каждый знакомый съ его сочиненіями безъ затрудненія отвѣтитъ: *онъ былъ послѣдователемъ Гегеля, то-есть рационалистомъ*. На другой вопросъ: противъ чего собственно ратовалъ Н. Н. Страховъ, на что были особенно направлены его нападки? всякій, и опять-таки безъ затрудненія, отвѣтитъ: *на рационализмъ, съ которымъ дѣйствительно Н. Н. Страховъ, такъ-сказать, велъ постоянные счеты*,—особенно въ послѣдніе годы.

Противорѣчіе несомнѣнное, и его, очевидно, нельзя затушевать поверхностнымъ различеніемъ рационализма „истиннаго“ и „односторонняго“.

Гдѣ же выходъ изъ этого противорѣчія?

Это противорѣчіе разрѣшается, хотя, какъ увидимъ дальше, и не вполне, съ точки зрѣнія исторической и біографической. Сорокалѣтняя работа мысли нашего покойнаго философа отразила на себѣ двѣ различныя

культурныя эпохи, которыя пережило человѣчество за послѣднее полу столѣтіе и которыя именно у насъ, въ нашемъ отечествѣ, опредѣлились во всей своей рѣзкой и непримиримой противоположности.

Человѣкъ сначала, такъ-сказать, уходилъ отъ себя въ природу, куда вела его наука, то-есть отвлеченный разумъ, а потомъ, испытавъ рядъ всевозможныхъ разочарованій, захотѣлъ снова вернуться къ себѣ, „домой“, повинуваясь призывавшему его чувству эстетическому, нравственному и религіозному,—красотѣ, долгу, вѣрѣ.

Отсюда у Н. Н. Страхова сначала рационализмъ, а потомъ—борьба съ нимъ.

Жизнь несется впередъ быстро и неудержимо, и тотъ кого она захватила въ свой потокъ часто не успѣваетъ опредѣлить куда именно онъ несется. Только человекъ мысли, философъ, утверждающійся на неподвижной почвѣ началъ разума, „вѣчныхъ истинъ“, способенъ остановиться, среди этого всеобщаго стремленія, и спросить себя: куда влечетъ меня невѣдомая сила, и не долженъ ли я направить свой курсъ „противъ теченія“? *Гдѣ* остановится философъ,—пройдетъ ли онъ, объ руку съ толпой, весь путь ея увлеченія, или вернется съ полупути,—это опредѣляется силой его мысли, индивидуальными особенностями, такъ-сказать, философскимъ темпераментомъ. Но если онъ не возвысится надъ толпой, не выдѣлится изъ нея, не дастъ себѣ отчета: куда и почему онъ идетъ,—онъ не философъ.

Покойный Н. Н. Страховъ, увлеченный сначала общимъ рационалистическимъ движеніемъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, скоро исчерпалъ, однако, силою своей недюжинной мысли содержаніе рационализма во всѣхъ его отдаленнѣйшихъ логическихъ выводахъ, и—одинъ изъ первыхъ у насъ—*вполнѣ самостоятельно* повернулъ назадъ, „домой“. И вотъ это именно даетъ ему неоспоримое право на почетное званіе философа! И вотъ

въ чемъ, съ другой стороны, разгада на отмѣченнаго нами выше противорѣчія!

„Когда я окончилъ свою книгу *Миръ, какъ цѣлое* (въ 1872 году) въ которой съ увлеченіемъ развивалъ главныя и общія ученія о природѣ, вполне рационалистическія,—говоритъ Н. Н. Страховъ,—мною овладѣло чувство неудовлетворенности“.*

И дѣйствительно, на предисловіи къ книгѣ *Миръ, какъ цѣлое* ясно отразился слѣдъ этой неудовлетворенности, разладъ головы и сердца, протестъ живаго человѣка, цѣльной личности противъ мертваго, отвлеченнаго разсудка, противъ рационализма.

„Для меня несомнѣнно, — писалъ здѣсь Н. Н. Страховъ,—что люди науки, чистые изслѣдователи, не допускающіе въ свою работу никакого вмѣшательства фантазіи и чувства, должны безусловно признавать миръ какъ цѣлое. Этотъ взглядъ одинъ соответствуетъ полной строгости научнаго метода. Еслибъ я продолжалъ работать на поприщѣ наукъ, то я неизмѣнно держался бы этого пути: на немъ открываются самыя далекіе горизонты и вполне удовлетворяется потребность *теоріи*, потребность *рациональнаго пониманія* вещей. Однако, мы чувствуемъ недовольство этимъ взглядомъ, и если онъ въ насъ что-то затрогиваетъ и чему-то противорѣчитъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія что источникъ такого разногласія не въ умѣ, а въ *какихъ-нибудь другихъ требованіяхъ души* человѣческой. *Человѣкъ постоянно по-челу-то враждуетъ противъ рационализма*. Отдать себѣ отчетъ въ этой враждѣ есть величайшая задача мысли... Такъ какъ мы назвали миръ цѣлымъ, то, примѣняясь къ этому выраженію, можемъ сказать что человѣкъ постоянно ищетъ *выхода* изъ этого цѣлаго, стремится разорвать связи соединяющія его съ этимъ миромъ, порвать свою пуповину.“

Такъ еще въ 1872 году Н. Н. Стра-

ховымъ былъ осужденъ рационализмъ, во имя „какихъ-то другихъ требованій души“.

Однако, за предѣлами рационализма сначала открылась для него только „тьма.“ Пробудилась потребность чѣмъ-нибудь *восполнить* рационализмъ, найти изъ него *выходъ*. Но гдѣ и какъ? Вся послѣдующая работа мысли философа есть стремленіе найти именно этотъ выходъ за предѣлы мертвящаго рационализма, въ область живой и высшей дѣйствительности.

Здѣсь завязывается предъ нами узелъ драмы, которая наполнила своимъ содержаніемъ всю жизнь философа. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ онъ за движеніемъ этой драмы, за борьбой духа творчества и духа разсудочнаго отрицанія, за переменнымъ торжествомъ то одного, то другаго. Къ сожалѣнію, развязку этой многоактной пьесы, уже вполне подготовленную, философъ унесъ отъ насъ съ собою.

II.

Прологъ драмы относится еще къ шестидесятымъ годамъ.

Духъ - искуситель приступилъ къ этому одинокому и могучему уму съ древнимъ и въ то же время вѣчно новымъ обольщеніемъ, неизмѣнно обязательнымъ раздраженіемъ человѣческой мысли и призракомъ *осезнанія*: — Я поставлю тебя,—какъ бы говорилъ этотъ духъ-искуситель,—на вершину знанія, умозрѣнія и науки: весь миръ, въ его цѣломъ, откроется предъ твоимъ умственнымъ взоромъ и покорный ляжетъ у твоихъ ногъ, и ты сознаешь себя его вершиною, средоточіемъ и властелиномъ...

И не могъ смѣлый умъ противостоять этому обольщенію всезнанія, и отважно пошелъ за манящимъ его все впередъ и впередъ призракомъ. Съ послѣдовательностію и стремительностію, которымъ немного можно указать примѣровъ въ исторіи мысли, онъ прошелъ весь путь сначала и до конца, но...

* О вѣчныхъ истинахъ, Спб. 1887. стр XXIX.

Но намъ нужно начать сначала.

„Для человѣка исходною точкою всегда будетъ и долженъ быть самъ человѣкъ: съ него и начинается книга.“ *

Но что такое человѣкъ для науки?

Общая физиологія говоритъ что человѣкъ есть животное. Утвержденіе странное и непріятное, но научно необходимое. Да, человѣкъ есть животное, то-есть въ немъ есть все то что есть и въ животномъ. И онъ вовсе притомъ не особенное какое-нибудь животное не чудо между ними, а такое же животное какъ и многія другія. Сравните, наиримѣръ, человека и лошадь въ анатомическомъ отношеніи, и вы найдете между ними поразительное сходство. Удивленіе наше возрастетъ еще болѣе, если мы сравнимъ человека съ другими, ближе стоящими къ нему, животными,—съ обезьянами. Высшія породы обезьянъ настолько близко подходятъ къ человеку что туземцы называютъ ихъ, въ виду этого сходства, прямо „дѣсными людьми“. Но не менѣе поразительно сходство человека съ животными и въ психическомъ отношеніи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни одной, даже самой „звѣрской“, черты которая бы не показывалась болѣе или менѣе въ душѣ человека: и человѣкъ иногда любитъ кровь и съ бѣшенствомъ бросается на другаго человека; и въ немъ инстинктъ самосохраненія господствуетъ надъ всѣми остальными мотивами дѣятельности и т. д. Если онъ и превосходитъ другихъ животныхъ въ этомъ отношеніи, то развѣ лишь тѣмъ что онъ ловчѣе, хитрѣе и, поэтому, сильнѣе — есть первое между животными. Но и это первенство его довольно условно. Представьте что завтра произойдетъ новый геологическій переворотъ: люди погибнутъ, и тогда, вѣроятно (по аналогіи), земля заселится новыми животными, высшими нежели человѣкъ. Такимъ образомъ, человѣкъ потому лишь есть первое животное что нѣтъ

* Миръ, какъ уголъ, стр. XII, 2е изд.

животныхъ выше его; а еслибъ они были, то онъ былъ бы животнымъ между другими животными. Итакъ, — выводить наука, — какъ по своему устройству, такъ и по своимъ физическимъ и душевнымъ свойствамъ человѣкъ подходитъ подъ понятіе животного: *человѣкъ есть животное*, и ни одинъ послѣдовательный и точный зоологъ не можетъ усомниться въ принадлежности человека къ животному царству.

Но что же такое для науки животныя, къ классу которыхъ она относитъ человека? Животное для науки есть организмъ, во всемъ подобный другимъ организмамъ: между сосною и лошадью, какъ выразился одинъ изъ натуралистовъ того времени (1859 г.) на публичной лекціи, нѣтъ существеннаго различія. Да, нѣтъ: по химическому составу, строенію, формѣ и расположенію частей, всѣ организмы, не исключая и животныхъ, совершенно одинаковы. Но еще важнѣе и разительнѣе сходство въ исторіи организмовъ: всѣ организмы рождаются, развиваются, размножаются и умираютъ совершенно одинаковымъ образомъ. И человѣкъ рождается и умираетъ совершенно такъ же какъ и каждое ничтожное насѣкомое или травка, подчиняясь тѣмъ же законамъ. Радость матери и скорбь человека объ утратѣ любимаго существа суть лишь высшее выраженіе той общей жизни которою живутъ всѣ растенія и животныя. Безжалостная смерть господствуетъ надъ всѣмъ органическимъ міромъ, и всюду, по однимъ и тѣмъ же законамъ, на умершемъ расцвѣтаетъ новая и свѣжая жизнь. „Съ перваго взгляда, — какъ говорить одинъ ученый, — кажется легко отличить животное отъ растенія, и даже самый несвѣдущій человѣкъ думаетъ что онъ ясно видитъ это различіе. Но именно незнаніемъ составляетъ причину по которой это различіе кажется такимъ рѣзкимъ.“ Для истиннаго же представителя науки совершенно очевидно и несомнѣнно что животное подходитъ подъ понятіе организма: *животное есть организмъ*.

Но что такое, далѣе, организмъ? Чѣмъ отличаются органическія тѣла отъ неорганическихъ, растенія и животныя отъ тѣлъ природы? Что такое вообще жизнь?

Жизнь, по опредѣленію точной науки, есть непрерывное движеніе, непрерывная смѣна вещества („круговоротъ“), при сохраненіи той же формы (Кюлье).

Но если такъ, то, развивая послѣдовательно это положеніе, необходимо придти къ совершенно матеріалистическому взгляду на жизнь, то-есть къ взгляду по которому жизнь состоитъ изъ такихъ же явленій вещества какія происходятъ и въ мертвой природѣ, какія свойственны веществу вообще. Если, въ самомъ дѣлѣ, сущность жизни заключается въ движеніи, въ круговоротѣ, то, очевидно, жизнь невозможно строго отличать отъ движеній неорганической природы. Дубъ и водопадъ: между ними, съ точки зрѣнія натуралиста, нѣтъ существенной разницы. Дубъ есть тотъ же водопадъ, только несравненно болѣе сложный, болѣе раздробленный и запутанный,—до того запутанный что разобрать его мельчайшія струйки есть дѣло требующее большихъ усилій для ума человѣческаго, тогда какъ явленія водопада легко понять. Но, помимо этого различія въ степени сложности, сходство здѣсь полное: какъ образуются пузырьки въ пѣнѣ водопада, такъ листья являются на деревѣ, — пузырекъ лопається, и листъ падаетъ и, сгнивая, разлетается въ газы.

Отсюда слѣдуетъ, что организмы, всѣ вообще организмы, со включеніемъ царя природы—человѣка, суть вещественные предметы, въ полномъ смыслѣ этого слова. Все что мы приписываемъ веществу, всѣ правила и приемы которые употребляются нами при разсмотрѣніи вещественныхъ предметовъ, все это примѣняется и къ организмамъ. И это понятно, потому что они тоже вещественные предметы. Даже самъ человѣкъ при всѣхъ своихъ высокихъ дарахъ, —

развѣ онъ не видитъ, не испытываетъ ежеминутно что между вещественными предметами его окружающими онъ такой же предметъ какъ и они,—что тѣло его, какъ вещество, ничѣмъ не выше другихъ тѣлъ? Падаеть стаканъ и разбивается; падаеть человѣкъ и тоже разбивается. Нужно затопить печку, иначе комната будетъ холодна; нужно наполнить желудокъ пищей, иначе силы ослабѣють и т. д. Ясно что организмы,—всѣ организмы, включая животныхъ и человѣка,— суть вещественные предметы, суть вещество.

Итакъ, человѣкъ есть животное; животное есть организмъ; организмъ есть предметъ вещественный, вещество: егдо, *все есть вещество*. Единство въ міропредставленіи, такимъ образомъ, достигнуто.

Но какое это жалкое, бѣдное, монотонное и, такъ сказать, не эстетичное единство! Все есть вещество! Стало-быть, и въ человѣкѣ нѣтъ ничего кромѣ вещества. Умирая, онъ просто угасаетъ, какъ пламя свѣчи, и ничего болѣе отъ него не остается — никакого слѣда. Человѣкъ есть не что иное какъ подобіе облака, и наша жизнь проходить —

Какъ исчезаетъ облакъ дыма

На небѣ сѣромъ и туманномъ...

И повсюду такъ. Можно пройти всю вселенную и вездѣ то же однообразное вещество, только въ различныхъ группировкахъ, и ничего болѣе. До безконечности идутъ системы планетъ. Въ этихъ системахъ встрѣчаются планеты подобныя землѣ. На нихъ развивается органическая жизнь, и во главѣ ея является человѣкъ. Вездѣ, вплоть до безконечной глубины небесъ, та же геометрія и та же астрономія—все одно и то же и одно и то же. Да, мы приходимъ къ самому легкому и ясному міросозерцанію.

Но, Боже, какая томительно однообразная и скучная открывается предъ нами картина! Къ чему, въ

самомъ дѣлѣ, это безчисленное повтореніе однихъ и тѣхъ же явленій? Каждая планета есть атомъ теряющійся въ пустынѣ неба. Мірозданіе есть безпредѣльное накопленіе такихъ атомовъ. Между ними нѣтъ никакой связи, никакого общаго центра. Есть единство, но *нѣтъ цѣлаго, и нѣтъ, поэтому, никакого смысла* во всемъ этомъ безконечномъ мірѣ. Нѣтъ въ немъ и Бога. Въ небесныхъ пространствахъ астрономы находятъ только различныя небесныя тѣла и, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, въ телескопъ нельзя было усмотрѣть тамъ ни Бога, въ Его молниеносной ризѣ, ни ангеловъ съ ихъ пламенными мечами. Значить, ихъ и нѣтъ тамъ. Да и быть не можетъ, если существуетъ только вещество. Если же, по тѣмъ или другимъ мотивамъ, мы и захотѣли бы удержать это дорогое намъ слово и понятіе, то должны были бы воплотить его во что-либо вещественное, то-есть искать Бога въ томъ же направленіи и представлять его въ той же формѣ, въ какихъ искалъ и представлялъ его, напримѣръ, знаменитый Ньютонъ, который, какъ извѣстно, считалъ пространство *тѣломъ и чувствилищемъ Бога...*

Вотъ картина открывшаяся предъ взоромъ нашего мыслителя, когда, обольщенный искушеніемъ всезнанія, онъ поднялся на вершину *точной науки* и съ этой вершины захотѣлъ окинуть однимъ общимъ взглядомъ *міръ въ цѣломъ*. И само собою понятно что двухъ различныхъ отношеній къ этой картинѣ у него быть не могло.

III.

Формальная логика запрещаетъ опредѣлять понятія одними только родовыми признаками. Между тѣмъ, именно этимъ роковымъ недостаткомъ и страдаетъ тотъ силлогизмъ, который, по пониманію и истолкованію Н. Н. Страхова, устанавливаетъ наука, — тотъ изумительный силлогизмъ, по которому „человѣкъ есть

животное, животное есть организмъ, организмъ есть предметъ вещественный, слѣдовательно человекъ, какъ и все вообще, есть вещество“.

Человѣкъ, говорить точная наука, есть животное. Допустимъ! Но *только ли* животное? На какомъ основаніи опущено здѣсь изъ виду спеціальное отличіе человекъ отъ животныхъ? Животное есть организмъ; но *только ли* организмъ? Нѣтъ ли въ немъ иного, нѣкотораго *надъ-органическаго* начала? Да и правда ли что родовой признакъ человекъ есть животное? По тѣлу, да. Но въ человекѣ только ли тѣло?

Нѣтъ, пройти тѣмъ путемъ на которомъ найденъ сей часъ приведенный изумительный силлогизмъ, можетъ, очевидно, лишь грубо-эмпирическое мышленіе, — то мышленіе для котораго существуетъ лишь одинъ источникъ знанія, внѣшній опытъ, и идеаль котораго представить все міровое цѣлое какъ бы на одной картинѣ, наглядно, въ созерцаемыхъ образахъ. Такое, грубо-эмпирическое, исключительно *представляющее* (но не *понимающее*: для философа громадное различіе!) мышленіе дѣйствительно способно удовлетвориться истолкованіемъ человекъ и животныхъ просто въ смыслѣ вещественныхъ предметовъ. Для него все есть вещество, и само вещество состоитъ изъ маленькихъ, наглядно представляемыхъ, тѣлесныхъ частичекъ, которыя заключены, какъ-бы въ одномъ исполинскомъ ящикѣ, — въ пространствѣ. Все міровое цѣлое получаетъ, съ этой точки зрѣнія, видъ пирамиды или конуса: внизу пространство, какъ основаніе или вмѣстилище всего, а на вершинѣ человекъ, какъ наиболѣе сложная комбинація того же вещества. Нигдѣ и вичего внутренняго. Повсюду лишь одно механическое и внѣшнее.

Можетъ ли, однако, удовлетвориться такою грубою, чисто механическою концепціей міра *живой* человекъ?

Нѣтъ. Прежде всего, относитель-

но себя самого, онъ знаетъ, — знаетъ по внутреннему и непосредственному опыту, — что онъ не одно тѣло: онъ чувствуетъ и любитъ; имѣетъ свои опредѣленные желанія; утверждаетъ себя своею волею какъ силу противостоящую и противодѣйствующую внѣшнимъ вліяніямъ; стремится къ добру и истинѣ; сознаетъ себя связаннымъ совѣстію и долгомъ; ищетъ высшей жизни, Бога. Все это для него *факты*. Но какому же праву наука игнорируетъ эти, несомнѣннѣйшіе для него, факты? И развѣ долженъ онъ отказываться отъ нихъ во имя науки?

Конечно, иной филистеръ нашихъ дней сильно опасается какъ бы не пришлось ему остаться безъ души, когда матеріалистъ докажетъ ему что у него нѣтъ души. Но вѣдь на то онъ и филистеръ: у него душа уже пошла на убыль, потому онъ и опасается за нее и сомнѣвается въ ея бытіи. Но человекъ со здоровою внутреннею жизнью не продастъ дешево этихъ фактовъ, и если наука отрицаетъ ихъ, онъ скорѣе усомнится въ самой наукѣ чѣмъ въ своей душѣ и въ реальности своей внутренней жизни. Да и что это, въ самомъ дѣлѣ, за наука, которая отрицаетъ самые несомнѣнные для человека факты?

Н. Н. Страховъ жилъ слишкомъ здоровою внутреннею жизнью для того чтобы помириться съ отрицаніемъ *фактовъ* внутренняго опыта, во имя теоріи. Съ другой стороны, онъ былъ мыслитель слишкомъ сильный для того чтобы не понять принципиальной фальши вышеприведеннаго силлогизма. Наконецъ, для него слишкомъ высоко стоялъ идеалъ *науки*, чтобъ удовлетворяться тѣмъ что давали ему современные *ученые*.

И вотъ, не отказываясь отъ желанія понять міръ именно какъ цѣлое, онъ на первыхъ же шагахъ своей научно-литературной дѣятельности возмущаетъ самый энергичный протестъ противъ самыхъ началъ механическаго міропредставленія, очерченнаго

нами выше: наука должна не *представить* міръ, но *понять*, — ввести насъ въ разумнѣе внутреннихъ началъ, отношеній и связей міра, какъ цѣлаго. Этотъ высокій идеалъ, — идеалъ науки одинаково удовлетворяющей требованіямъ и фактовъ, и самой строгой мысли, — какъ нѣкоторый тайный геній увелъ нашего мыслителя отъ механическаго міропредставленія и повелъ его, на его одинокомъ пути, дальше и выше.

„Человекъ есть животное: но онъ не *хочетъ* быть животнымъ! Человекъ есть одно изъ существъ природы: но онъ не *считаетъ* себя предметомъ природы, явленіемъ между ея явленіями, — онъ природу *противопологаетъ* себѣ и *отрицается* отъ нея. Какъ это возможно? Какимъ, вообще, образомъ что — нибудь существующее недовольно тѣмъ что оно есть?... Дѣло въ томъ что *человекъ имѣетъ полное право* противопоставить себя природѣ, потому что онъ *можетъ* сдѣлать такое противоположеніе, — имѣетъ силу и способность къ нему.“ *

„Животное есть вещественный предметъ“: но этотъ предметъ *чувствуетъ* и, противодѣйствуя, какъ и всякое другое тѣло, вліянію извнѣ, противодѣйствуетъ *произвольно*. Чувство же и произволъ суть явленія *невещественныя*. Правда, о чувствѣ и производѣ животныхъ мы заключаемъ по аналогіи съ собою. Но странно было бы не вѣрить, напримѣръ, тому что собака визжитъ отъ удовольствія и лаетъ отъ злости. Конечно, эту злость и это удовольствіе нельзя ни видѣть въ микроскопъ, ни получить въ видѣ особаго вещества посредствомъ химическаго разложенія мозга; но изъ того что это явленія невидимыя, невещественныя, слѣдуетъ ли что ихъ можно отрицать? Нѣтъ, *истинный духъ естествознанія стоитъ въ нѣкоторомъ благоговѣннѣи предъ явленіями природы*, которое не допускаетъ ихъ произвольнаго иска-

* *Миръ, какъ цѣлое*, стр. 18.

женія, и убѣжденіе что смыслъ явленій природы однороденъ съ сущностью человѣческой мысли, есть лучшее предохраненіе отъ множества заблужденій“.*

Итакъ, человѣкъ и животное не просто вещественныя тѣла. Нѣтъ. Одна глубокая черта проводитъ между ними коренное различіе: это—признакъ жизни, то-есть совершенствованія. Кусокъ золота, какъ бы онъ великъ или малъ ни былъ, всегда остается все тѣмъ же кускомъ золота: золото снаружи представляетъ совершенно то же чтѣ и внутри и сегодня то же чтѣ и черезъ сто лѣтъ. Напротивъ, въ организмѣ есть внутреннее строеніе, есть централизація, отъ которой зависитъ его величина,—есть развитіе, періоды отъ которыхъ зависитъ срокъ жизни. Движеніе жизни есть не чтѣ иное какъ переходъ отъ низшаго состоянія къ высшему, и основной законъ жизни есть совершенствованіе. Большое облако отличается отъ малаго только своею величиной, и молнія его отличается отъ молніи малаго облака такъ же только своею величиной. Между тѣмъ взрослый человѣкъ отличается отъ ребенка не только тѣмъ что въ немъ нѣсколько пудовъ лишнихъ, но и тѣмъ что дѣятельность, мысль и чувство взрослого чрезвычайно отличны отъ дѣятельности, мыслей и чувствъ ребенка. И это различіе есть прямое и существенное слѣдствіе жизни. Взрослому человѣку стыдно быть взрослымъ ребенкомъ, и дитяти невозможно быть маленькимъ взрослымъ человекомъ.

Съ этой точки зрѣнія получаетъ свое особенное значеніе и смыслъ и страшное явленіе смерти.

„Смерть—это финаль оперы, послѣдняя сцена драмы. Какъ художественное произведеніе не можетъ тянуться безъ конца, но само собою обособляется и находитъ свои границы, такъ и жизнь организмовъ имѣетъ предѣлы. Въ этомъ выражается

* Ibid., стр. 37.

ихъ глубокая сущность, гармонія и красота, свойственная ихъ жизни. Еслибъ опера была только совокупностію звуковъ, то она могла бы продолжаться безъ конца. Еслибы поэма была только наборомъ словъ, то она также не могла бы имѣть никакого естественнаго предѣла. Но смыслъ оперы и поэмы, ихъ существенное содержаніе, требуютъ финала и заключенія“*.

И наша собственная, человѣческая жизнь ограничена здѣсь именно потому что „мы способны *дожить* до чего-нибудь, потому что можемъ стать *сполнъ* *человѣкомъ*: смерть не даетъ намъ *перезжить* себя“.**

Вотъ какъ, въ ряду послѣдовательныхъ вопросовъ, Н. Н. Страховъ представляетъ внѣшне-механическую точку зрѣнія на мірозданіе. Организмъ не есть только вещественный предметъ. Животное не есть только организмъ. Человѣкъ не есть только животное. Нѣтъ, онъ возвышенъ надъ природой своею духовною стороною,—составляетъ исключеніе въ ней. Онъ внѣнецъ мірозданія, и не только потому что современная астрономія склонна разсматривать всю необъятную вселенную какъ безбрежную и мертвую пустыню, въ которой нѣтъ уже болѣе живыхъ существъ, но и потому что „человѣкъ можетъ и необходимо долженъ смотрѣть на свою жизнь такъ, какъ будто бы весь остальной міръ былъ пустъ, и какъ будто за цикломъ жизни человечества не послѣдуетъ никакого цикла“***. Да, ему это центральное положеніе въ мірѣ свойственно и прилично. Человѣкъ,—не отдѣльный человѣкъ, конечно, но *человѣкъ вообще*, какъ воплощеніе своей идеи и образъ Божества,—есть *наиболѣе совершенное* существо, какое только человѣкъ можетъ себѣ представить, при условіяхъ его необходимой ограниченности. И вотъ въ чемъ его право на верховенство!

* Ibid. 133.

** Ibid. 144.

*** Ibid. 278.

Такимъ образомъ, для міра найдено его живой и разумный центръ.

„Міръ есть сфера, средоточіе которой составляетъ человѣкъ. Человѣкъ есть вершина природы, узелъ мірозданія, бытія. Въ немъ заключается величайшая загадка и величайшее чудо мірозданія. Онъ занимаетъ центральное мѣсто по всѣмъ направленіямъ связей соединяющихъ міръ въ одно цѣлое. Онъ есть главная сущность, главное явленіе и главный органъ міра. Части и явленія міра не просто связаны, а соподчинены, — представляютъ іерархію. Міръ, какъ организмъ, имѣетъ части менѣе важныя и болѣе важныя, высшія и низшія. И отношеніе между этими частями таково что онѣ представляютъ гармонію, служатъ однѣ для другихъ, образуютъ одно цѣлое въ которомъ нѣтъ ничего ни лишняго, ни безпольнаго.“ *

Величественная концепція! Однако, она намѣчена очевидно еще лишь слишкомъ общими и грубыми штри-

* *Ibid.*, VII—VIII.

хами. Въ ней оставалось еще отдѣлать детали, рельефнѣе очертить фигуры, а главное — оставалось установить на міръ перспективу, какъ говорятъ философы, *sub specie aeternitatis*, — поставить надъ міромъ и человѣкомъ Бога.

Все это, конечно, требовало отъ философа дальнѣйшей и упорной внутренней работы, напряженныхъ и сосредоточенныхъ размышленій:

„За предѣлами рационализма, — какъ онъ самъ характеризуетъ свое умственное состояніе того времени (1872 г.), — для меня была только тьма.“ * Правда, онъ не отступалъ предъ этою тьмой, предъ этою ночью таинственнаго, и даже въ ней самой искалъ сначала „предметовъ для познанія“ и прежде всего „такого предмета на который мы могли бы съ полнымъ правомъ обратитъ свое благоговѣніе“; ** но...

Но занавѣсъ упалъ, и первый актъ философской драмы кончился.

* *О вѣчныхъ истинахъ*, XXXIII.

** *Міръ, какъ цѣлое*, XII.